

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ НАПОЛЕОН

БОРИС
ТЕНЕНБАУМ

Гении власти

Борис Тененбаум
Великий Наполеон

«Яуза»

2011

Тененбаум Б.

Великий Наполеон / Б. Тененбаум — «Яуза», 2011 — (Гении власти)

Его имя вошло в легенду. Его победы изменили ход истории. Несмотря на малый рост (менее 160 см), его заслуженно величали «колоссом» и «титаном». Однако ратная слава Наполеона затмила заслуги правителя – а ведь он был не только военным гением, но и настоящим гением власти, навсегда преобразившим Европу. Выходец из обедневшей дворянской семьи, без всякой протекции, исключительно благодаря собственным дарованиям и заслугам он сделал феноменальную карьеру, став генералом в 24 года и командующим армией в 26, а затем «конвертировав» военные победы в политический триумф и установив единоличную диктатуру. Первый Консул, а с 1804 года Император, Наполеон обладал величайшей властью со времен Цезаря, раздавал короны, назначал и смещал монархов, провел грандиозные успешные реформы, заложив основы современного миропорядка, мечтал о походе на Восток, в Индию, по стопам Александра Великого. А вот в личной жизни был скорее несчастлив, признаваясь: «Моя любовница – власть». Читайте новую книгу от автора бестселлера «Великий Черчилль» – подлинную историю взлета и падения Наполеона Бонапарта, гений которого навсегда изменил историю Европы и всего человечества.

© Тененбаум Б., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Молодой офицер из провинции, живущий в бурные времена	5
I	5
II	7
III	9
IV	10
V	11
VI	12
VII	13
VIII	14
IX	15
X	16
Генерал Республики	17
I	17
II	19
III	20
IV	22
V	23
VI	24
VII	25
VIII	27
IX	29
X	30
Примечания	31
Неспособность повиноваться и последствия этой неспособности	32
I	32
II	33
III	35
IV	36
V	37
VI	38
VII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Борис Тененбаум Великий Наполеон. «Моя любовница – власть»

Молодой офицер из провинции, живущий в бурные времена

I

Брак Летиции Рамолино, заключенный ею в 1764 году, особых разговоров не вызвал. Правда, невесте было всего 14 лет, но по тем временам в этом не было ничего необычного. К тому же и замуж она выходила не за какого-нибудь пожилого вдовца, а за пригожего 18-летнего юношу, Карло Буонапарте, дворянина с родословной, уходящей в XIII век. У него не было ни копейки, но семья Летиции особых возражений по этому поводу не высказывала – на Корсике богачей, в общем, не водилось, к тому же у молодого человека были перспективы на неплохое по корсиканским понятиям наследство: его дядя, Лючиано, был священником, детей, следовательно, у него не было, и он обещал те средства, которыми он располагал, оставить своему племяннику.

Так что брак состоялся, и вскоре у молодой четы пошли дети: Джузеппе, родившийся в 1767-м, Наполеоне, родившийся в 1769-м, Лючиано, родившийся в 1775-м, и Анна-Мария-Элиза, родившаяся в 1777-м.

Семья росла и требовала средств на ее содержание, а Карло Буонапарте особых успехов на пути к процветанию не достиг. Он был славный, добрый человек, и тот факт, что он как-никак окончил юридическую школу в Пизе, позволил ему получить в Аяччо официальный пост «*королевского ассессора*». Но тех 900 франков в год, которые составляли его служебный оклад, было явно недостаточно. Хорошо хоть, что у семьи был в Аяччо свой дом, построенный на четырех уровнях, один из которых сдавался – это помогало сводить концы с концами.

Ведением дома и хозяйства занималась Летиция. Женщина она была простая, умела читать и писать по-итальянски, но книг не читала никогда, и французский оставался для нее тайной за семью печатями. А между тем язык этот был нужен. Дело тут было в том, что Генуя, владевшая Корсикой с 1347 года, потеряла остров в результате восстания, возглавленного неким Паскуале Паоли. В 1755 году он провозгласил Корсику независимой республикой. Однако генуэзцы сумели удержаться в прибрежных городах, а в 1764 году – в том самом, в котором Летиция вышла замуж, – продали Корсику Франции. Тогдашний король Франции, Людовик XV, был слишком занят другими делами, чтобы сразу вступить в свои права суверена, но к 1768 году сделать это все же собрался. Французские войска встретились с сопротивлением, но к 1769-му установили на острове некоторое подобие спокойствия. К 1770 году Корсику инкорпорировали в состав Французского Королевства как одну из 26 провинций Франции.

Так что в звании «*королевского ассессора*», которое носил Карло Буонапарте, прилагательное «*королевский*» относилось к королю Франции, да и сам Карло в делах официальных теперь все чаще именовал себя Шарлем, на французский лад.

Кроме того, он вспомнил, что его род, хоть и отбросил аристократическую частицу «ди» в своем имени и именуется теперь не «ди Буонапарте», а просто «Буонапарте», тем не менее

может доказать, что у Шарля Буонапарте есть требуемый минимум – наличие четырех поколений благородных предков.

На Корсике это мало что значило – но во Франции на вещи смотрели иначе.

II

17 декабря 1778 года Карло с двумя старшими сыновьями разместился на борту судна, уходившего из Аяччо к берегам Франции. Он надеялся пристроить детей в королевские школы – в качестве дворян у них было на это право. Старший, десятилетний Джузеппе, предназначался для духовной карьеры. Его брат, Наполеоне, или, на семейный лад, Набулио, должен был стать военным. Вместе с мальчиками на континент отправлялся и их 15-летний «дядя Феш» – сводный младший брат их матери.

Дело в том, что Анжела Рамолино, мать Летиции, овдовев, вышла замуж за швейцарца по фамилии Феш, отставного капитана, служившего когда-то Генуэзской Республике. Капитан умер в 1770 году, а его сына пригрел клан Буонапарте. «Дядю Феша» перекрестили из «Джузеппе» в «Жозефы» – жить и учиться ему предстояло во французской семинарии, он готовился стать священником.

Весьма скоро Жозефом стал и Джузеппе Буонапарте – в Отюнском колледже, где он учился, его уже по-другому и не называли.

Но вот для имени Наполеоне никакого французского эквивалента подобрать не удалось.

Может быть, еще и потому, что он становится французом решительно не желал. Маленького роста, тощий, со своим плохим французским и со своим странным для французского уха именем, он выделялся из числа своих соучеников, и не в лучшую сторону. Его, разумеется, дразнили, а так как он был горд и самолюбив и немедленно вспыхивал, то удовольствие было двойным. Впрочем, трогать его вскоре перестали – дрался он без особого успеха, но просто отчаянно, так что желающим повеселиться надо было приискивать себе мишени полегче.

Учителями военной школы в Бриенне, где учился Наполеоне Буонапарте, были монахи, так что порядок в школе поддерживался строгий, а уклад жизни был вполне спартанским. Королевский инспектор, раз в год экзаменовавший каждого из учеников индивидуально, отметил «...выдающиеся успехи в математике...» Наполеоне Буонапарте, но по поводу его светских талантов, как-никак необходимых будущему офицеру, отозвался критически. В итоге он рекомендовал назначить его в артиллерию – род войск технический и в королевской армии непристиженный, вроде фортификации.

В военную школу в Бриенне Наполеоне Буонапарте поступил 15 мая 1779 года. На то, чтобы съездить на каникулах навестить свою семью, денег у него не было, и из дома ему тоже ничего не присылали. Своих родных он увидел только после 5-летнего перерыва, в июне 1784-го. Карло Буонапарте явился в Бриенн, и с ним вместе были его младшие дети – Анна-Мария-Элиза, которая теперь звалась просто Элиза, и Лючиано, наскоро переделанный в Люсьена. Элиза должна была поступить в школу для благородных девиц в Сен-Сире, а Люсьен должен был остаться в Бриенне, на год или на два. Совсем маленькие – Луи, родивший в 1778-м, Паола-Мария, или Полина (1780), Мария-Анунциата, она же – Каролина (1782), и Жером (1784) – остались дома, с матерью. Карло Буонапарте тем временем съездил в Монпелье – он давно хотел посоветоваться с хорошим врачом, а в Монпелье был старинный медицинский колледж. Диагноз был нерадостный – рак желудка. Ему сказали, что жить ему осталось от силы несколько месяцев. И действительно, он скончался в феврале 1785-го. Ему было всего лишь 39 лет.

Выпускники Бриеннской военной школы получали воинский ранг «благородного кадета» (*cadet gentilhomme*), что соответствовало бы более позднему званию вольноопределяющегося. В армии кадет нес службу наравне с рядовыми, но, как правило, был приписан к кому-нибудь из офицеров в качестве младшего адъютанта. От солдат кадеты отличались тем, что имели право на производство в офицеры – хотя и не сразу, а только после прохождения всей цепочки унтер-офицерских чинов.

Однако, как правило, «*благородные кадеты*» поступали в военную школу следующей ступени, в Париже. Она так и называлась – Военная Школа (École Militaire), была учреждена в 1750 году, при Людовике XV, предназначалась специально для сыновей бедных дворян и давала им возможность и послужить королю, и заработать на жизнь способом, не обидным для дворянской чести.

19 октября 1784 года эта школа приняла в ряды своих кадетов 15-летнего дворянина с Корсики, занесенного в списки как Наполеоне ди Буонапарте. Там у него тоже начались проблемы с маршировкой. Преподаватель строевой подготовки был им недоволен – мальчишка выполнял строевые команды кое-как, без всякой молодцеватости, и ружьем делал «*На караул!*» самым небрежным образом.

Как правило, в Школе учащиеся курсом постарше назначались инструкторами к новичкам, и инструктор кадета ди Буонапарте получил распоряжение:

«Цивилизовать этого дикого островитянина!»

Ну, у инструктора не очень получилось – маршировал его ученик теперь более сносно, но решительных улучшений все-таки не обнаружилось. Зато они подружились.

Отзывы прочих преподавателей о кадете Буонапарте были смешанными. Учитель немецкого признал его безнадежным и просто махнул на него рукой. Зато инспектор, экзаменовавший его по артиллерии, в отчете написал следующее:

«...К занятиям относится серьезно, любит читать, и при этом – хороших авторов. Превосходное знание математики... Очень горд и честолюбив. Заслуживает внимания и содействия...»

28 сентября 1785 года 16-летний Наполеоне ди Буонапарте окончил Военную Школу и получил чин 2-го лейтенанта артиллерии. Выпускников школ, как правило, ранжировали по критерию их успехов в учебе. Из 56 курсантов, окончивших Школу в одном с ним выпуске, он оказался 42-м.

6 ноября 1785 года 2-й лейтенант Буонапарте получил назначение в артиллерийский полк, стоящий гарнизоном в Валансе, на юге Франции.

Так началась его военная карьера.

III

Полк, в который он попал, был образцовым и служил как бы практической школой для всех артиллеристов французской армии. Жалованье юному лейтенанту положили в 920 франков – он мог быть горд, потому что в свои 16 лет уже превзошел на целых 20 франков наивысшее достижение Карло Буонапарте, своего отца, на пике его карьеры.

Хотя, конечно, жизнь во Франции была куда дороже, чем на Корсике. Расходов у юного лейтенанта было немного, и большую часть жалованья он отсылал матери.

Впрочем, на развлечения у него не было не только денег, но и свободного времени. Пребывание в столичной Военной Школе, где были первоклассные преподаватели, раскрыло ему глаза – он понял, как мало знает.

Количество и разнообразие предметов, которые его интересовали, поражает. Вот краткий и очень неполный список книг, которыми интересовался лейтенант родом из провинции, где и по-французски-то говорили немногие, и только в тех местах, которые на Корсике сходили за большие города:

1. «Республика» Платона – с подробнейшими комментариями, записанными в тетрадах, которые он завел для своих занятий.
2. «История арабских калифов», ученое сочинение аббата Мариньи.
3. Солидный труд, написанный де ла Гюссе и посвященный устройству правления Венецианской Республики.
4. Труды Макиавелли, и не только «Государь», но и весьма нелегкая в чтении «История Флоренции».

Он читал все, что мог найти, об Алкивиаде, он читал Аристотеля, он интересовался инками и ацтеками, он внимательно изучал труды греческих философов – и при этом нашел время тщательнейше ознакомиться с биографией английского премьер-министра, сэра Роберта Уолпола, вошедшего в историю своей страны как самый изощренный политический деятель и одновременно – как истинное воплощение бесстыдной коррупции.

Лейтенант Буонапарте не только много читал, но и много писал. Он написал основательное эссе об Уолполе, составил проект, связанный с полной реорганизацией артиллерийского полка, в котором он служил, написал четыре эссе о технических аспектах современной ему артиллерии и о перспективах ее развития и даже – по причинам, понятным разве только ему одному, – сочинил эссе, в котором провел детальное исследование государственного устройства Персии. Оно было написано по греческим источникам, но, конечно, не в оригинале, а в переводе на французский.

Если подумать, то при всем этом немислимом хаосе прочтенного и написанного его понастоящему интересовали только два предмета: военное искусство и государственное управление.

Утверждается, что однажды, угодив на гауптвахту за какую-то мелкую провинность, он нашел там забытый том юстиниановского сборника – сугубо специального сочинения, посвященного римскому праву в свете знаменитого Кодекса Юстиниана. Он прочел этот сборник – весь, целиком.

И, как окажется впоследствии, – запомнил.

IV

Есть доброе старое практическое правило – чем больше в армии офицеров, тем хуже ее качество. Правило это, положим, эмпирическое, но французская королевская армия конца XVIII века его подтверждала целиком и полностью. По списочному составу 1787 года, в ней состояло 180 тысяч человек, при этом 9355 из них были офицерами. Особенно перегружен был ее высший эшелон – налицо имелось 18 маршалов Франции, 225 генерал-лейтенантов и 538 генерал-майоров (во Франции того времени офицеры этого ранга назывались странновато – «*maréchaux de camp*»).

Таким образом, во французской армии того времени имелось чуть ли не восемь сотен людей в генеральских чинах, в то время как в победоносной армии Фридриха Великого на 193 тысячи солдат было только 103 генерала. Причем при более пристальном взгляде картина становилась еще более непригожей. По спискам за 1789 год в армии числилось уже не 180, а только 162 тысячи человек, а офицеры, состоящие на активной службе, делились на три категории:

1. Дворяне: 6333 человека.
2. Лица недворянского звания, происходившие из купеческих семей: 1845 человек.
3. Лица, произведенные в офицеры из рядов, за какие-то особые подвиги: 1100 человек.

Путь в чины выше капитанских для 2-й и 3-й категорий был, как правило, закрыт, хотя именно они-то располагали и наибольшим опытом, и наибольшим рвением.

Помимо офицеров, состоящих на действительной службе, были и офицеры отставные, отсутствующие по уважительным причинам, назначенные просто в силу своего высокого происхождения, но службы не несущие, и, наконец, те, которые числились в качестве запасных – в некоторых полках в ротах имелось по два капитана. Был и вовсе невероятный случай – в одном из полков (*Régiment Deux Ponts*) было 42 подполковника. Во избежание полного хаоса в командной системе полка им было воспрещено пребывание в гарнизоне расквартирования полка без специального на то приглашения.

Так что не следует удивляться решению командира полка, в котором служил лейтенант Наполеоне Буонапарте, разрешить ему длительный отпуск на родину, «... для устройства семейных дел...». Отпуск в дальнейшем был даже и продлен с нескольких месяцев до одного года. Осенью 1786 года лейтенант Буонапарте отправился на корабле, идущем из Тулона, в родные края и уже 15 сентября этого года высадился на берег в Аяччо.

Он как-то привел в порядок дела, оставленные отцом в большом беспорядке. В их числе был проект осушения болота и превращения его во фруктовые посадки. Такого рода работы поощрялись правительством и в принципе давали возможность получить несколько тысяч франков в качестве премии.

После года на Корсике он вернулся в свой полк и сразу же подал еще одно прошение об отпуске. Оно было удовлетворено все с той же легкостью, и он снова уехал на Корсику. На этот раз Наполеоне ди Буонапарте оставался там с января по июнь 1788-го.

Только для того, чтобы вернуться в третий раз – в сентябре 1789-го.

V

Бурные события, начавшиеся во Франции взятием Бастилии 14 июля 1789 года, на Корсике закрутились еще замысловатее, чем на континенте, потому что к требованиям политических реформ революционного размаха прибавился и пылко оспариваемый вопрос о независимости. Собственно, Национальное Собрание даровало Корсике автономию и восстановило «корсиканское гражданство» – но дальше никакой понятной программы не было. Общественное мнение металось между позицией церкви, стоящей за короля и веру, революционерами, создававшими политические клубы на манер парижских, и сторонниками полной независимости и немедленного отделения от Франции – к которым, как ни странно, не примкнул возвратившийся из изгнания Паскуале Паоли, провозгласивший когда-то на Корсике независимую республику. Ему было уже 64, он многое в жизни повидал и теперь к поспешным опрометчивым действиям был вовсе не склонен.

Наверное, поэтому с братьями Буонапарте, Жозефом и Наполеоне, он и не поладил.

Возможно, он находил их слишком офранцузенными? Жозеф к 1789-му уже оставил свои занятия в богословском колледже и успел поучиться в юридической школе в Пизе, которую он, правда, не закончил. Но вкус к политике у него появился, и он выставил свою кандидатуру на местных выборах в Национальное Собрание. Что касается его брата, то он принес присягу на верность «...*Нации, Королю и Законам Страны...*» – как полагалось по новой формуле. К осени 1789-го его повысили в чине на один ранг – из 2-го лейтенанта он стал 1-м лейтенантом. Однако в горячие дни на Корсике Наполеоне оказался замешан в выступлениях местных сепаратистов против французского гарнизона. В принципе, его могли расстрелять...

Власти на Корсике были назначены королем, а не Национальным Собранием, поэтому чувствовали себя неуверенно – так что они ограничились запрещением лейтенанту Буонапарте покидать Аяччо.

На выборах Жозеф Буонапарте оказался побит другим кандидатом, Карло-Андреа Поццо ди Борго. Он тоже учился в юридической школе в Пизе, только более прилежно, чем Жозеф, и к тому же его поддержал Паоли. Семья Поццо ди Борго долгое время снимала 3-й этаж в доме, принадлежащем Буонапарте, – и оба брата Буонапарте, и Жозеф, и Наполеоне, восприняли успех Карло-Андреа как измену и предательство.

На Корсике появилась проанглийская партия – предполагалось, что флот Англии, занимавшей все более и более антифранцузскую позицию, «...*защитит независимую Корсику от французских поползновений...*». Братья Буонапарте, вполне естественно, принадлежали к партии профранцузской и стояли за сохранение связей с метрополией. В общем, дела обстояли не слишком обещающим для них образом, когда Наполеоне Буонапарте получил известие, что, поскольку он не испросил разрешение на продолжение своего отпуска из полка, его вычеркнули из списков личного состава с пометкой: «*Отсутствие без позволения*». Вообще говоря, это очень сильно пахло обвинением в дезертирстве.

Ему следовало срочно принимать какие-то меры.

VI

Отчаянные хлопоты, предпринятые им в Париже, принесли хорошие плоды – все обвинения с него были сняты, он был восстановлен на службе в том же полку, в котором служил столь небрежно, и даже получил повышение – ему присвоили чин капитана. Сумятица была такой, что Наполеоне Буонапарте представил свои действия как «...мотивированные национальными интересами и проникнутые истинным патриотизмом...».

Занятно, что сразу после прибытия к месту службы он немедленно попросил об отпуске – его сестра Элиза больше не могла оставаться в пансионе Сен-Сир, и ее было необходимо сопровождать до дома на Корсике.

Отпуск был ему предоставлен.

На Корсике он ввязался в авантюру – у него, вдобавок к капитанскому чину во французской армии, был еще и чин подполковника местного ополчения. Он последовал распоряжению Паоли и принял участие в попытке корсиканской милиции захватить крошечный остров Сан-Стефано. Попытка эта с треском провалилась – капитан корабля с десантом передумал и на островке высаживаться не стал. А тем временем над головой семейства Буонапарте грянул гром.

18-летний Люсьен Буонапарте произнес в Якобинском клубе Тулона грозную речь, направленную против Паскуале Паоли, и назвал его «...предателем, готовым сдать остров англичанам...».

Клуб поддержал пылкого оратора и сообщил о принятой резолюции в Париж. Национальное Собрание приняло к сведению сообщение из Тулона и «...приняло административные меры...» – Паоли был смещен со своего поста губернатора Корсики, и было объявлено о немедленном аресте и его, и его видных сторонников, в том числе Карло Поццо ди Борго.

Трудно было придумать более надежное средство вызвать на Корсике восстание.

Братьям Люсьена Буонапарте пришлось бежать – их разыскивали. Несмотря на это, им удалось скрыться. На Корсике семейные узы ставили много выше так называемых национальных – их спрятал кузен.

Высадившиеся на острове французские войска под командованием депутатов Конвента, Лакомба и Саличетти, не только не добились никакого успеха, но им еще и пришлось бежать, буквально спасая свои жизни. Паоли объявил семейство Буонапарте вне закона, вся их собственность была конфискована.

В итоге вся семья 10 июня 1793 года бежала с Корсики в Тулон – их взялись переправить туда на маленьком суденышке.

Отъезд, если его можно так назвать, проходил ночью и в полном секрете. На этот раз на континент отправлялись не только братья Жозеф и Наполеоне, но и их матушка со всеми детьми. Унести с родины им удалось только то, что было на них надето.

Не считая, конечно, их собственных жизней.

VII

Есть предание, согласно которому после бегства с Корсики Летиция Буонапарте обратилась к своему сыну Наполеону с речью, в которой говорила ему, что Корсика – всего-навсего скала, в то время как Франция обширна и богата, и ему следует посвятить себя не борьбе за счастье Корсики, а борьбе за счастье Франции – так он принесет больше пользы человечеству. Нечто в этом духе упоминается даже в книге Ф. Кирхейзена «Наполеон I. Его жизнь и его время», которая, кстати, переводилась на русский. Вне всяких сомнений, предание не соответствует действительности.

Матушка Летиция не читала революционных брошюр того времени и изъясняться подобным слогом никогда бы не стала. В 1793 году ей исполнилось 43 года, но заботы о семье легли на ее плечи сразу после замужества, она тянула этот тяжелый груз уже без малого 30 лет и на патетику была решительно не способна.

Семья ее оказалась в Тулоне в безопасности, но совершенно без средств к существованию. Единственный ресурс – капитанское жалованье Наполеона, к которому что-то смог добавить и Люсьен. К тому времени, как им всем пришлось перебраться в Марсель, он сумел получить место ночного сторожа на складе.

В конце концов семейство выручил Жозеф – он съездил в Париж, связался со своими влиятельными друзьями и вернулся в сентябре 1793-го в Тулон с назначением – он стал военным комиссаром, ответственным за армейские поставки. Жалованье ему положили в 6 тысяч франков – увы, ассигнациями, а не звонкой монетой, но зато представилась возможность заработать на взятках от армейских поставщиков. Времена были смутные – король Людовик XVI был казнен в конце января 1793 года, все было смутно, шатко и неверно. Коррупция цвела пышным цветом.

30 ноября 1793-го Наполеон Бонапарт – он начал писать свои и имя, и фамилию на французский манер – был занят тем, что изучал панораму Тулона, занятого роялистами. К этому времени его уже произвели в майоры. Вообще говоря, быть здесь ему не следовало. Он получил назначение к генералу Жану дю Тейлю, брат которого командовал артиллерийским полком, в котором Наполеон не столько служил, сколько числился. Тем не менее лейтенант Бонапарт произвел на своего тогдашнего командира такое впечатление, что он рекомендовал его своему брату.

И тот поручил ему организацию подвоза артиллерийского снаряжения из Авиньона в Ниццу, где находилась его штаб-квартира. Это не было простым делом – весь Прованс был охвачен волнениями, выбить роялистов из Марселя удалось только в самом конце августа 1793-го.

Тем временем англичане высадили в Тулоне десант численностью в 17 тысяч человек, состоящий в основном из французов, сторонников Бурбонов, а еще пьемонтцев, неаполитанцев, испанцев и пары тысяч солдат английской морской пехоты.

Боевую ценность представляли только они.

VIII

Командовавший британской экспедицией в Тулон сэр Самюэл Худ (Hood) – почему-то в русскоязычной исторической литературе часто именуемый адмиралом Гудом – смотрел на вопрос удержания Тулона холодно-профессионально: ему выделили достаточно средств, чтобы попытаться зажечь в Провансе огонь повсеместного восстания. Раз это не удалось и войска Французской Республики успели наводнить провинцию и удержать ее – надо уходить.

Но с той же холодной профессиональностью в первые же дни высадки он организовал оборону своей базы: были обновлены существовавшие укрепления, выстроены новые батареи – и республиканцы не сумели ворваться в Тулон, как это им удалось в Марселе. Солдаты Республики были полны революционного энтузиазма. Но с организацией у них было плохо, и командовали ими далеко не лучшим образом. Революциям свойственно ломать устоявшийся порядок. В результате они часто выносят на поверхность людей случайных, а руководящие посты волей-неволей распределяются по принципу «...наибольшей (предполагаемой) верности Революции...».

Командовавший под Тулоном генерал Карто (Carteaux) Революции предположительно был предан всей душой, но по профессии был художником и особых талантов по части осад не обнаружил. К тому же начальник его артиллерийской части был ранен и помочь ему уже ничем не мог.

Представители грозного Комитета Общественного Спасения, направленные в Тулон, могли его сместить и казнить – но бесполезность этого мероприятия они видели вполне отчетливо. Одним из уполномоченных был Кристофоро Саличетти, знавший братьев Бонапарт по Корсике. Именно через него Жозеф и получил свою выгодную должность. Поэтому явившегося к нему засвидетельствовать свое почтение Наполеона Бонапарта, специальностью которого была артиллерия, он встретил как дар небес.

Бонапарту было поручено реорганизовать артиллерию осаждающей Тулон армии, а уладить дела с его начальством насчет такой непредусмотренной «...служебной командировки...» уполномоченные брались сами. Вообще-то, начальство спорить и не подумало – комиссары Конвента имели такую власть, что возражать им не следовало ни в коем случае. Наполеон Бонапарт (в момент его привлечения к осадным работам он был еще в чине капитана) взялся за дело. Вообще-то при наличии всего шести исправных орудий даже и думать о правильной осаде не полагалось – но нужные материалы можно было собрать в других местах.

24-летний артиллерист взялся за дело с неслыханной энергией. Каждый день в лагерь армии прибывали обозы, подвозившие пушки из Марселя, Авиньона и даже из Ниццы – он не постеснялся позаимствовать запасенный материал у своего собственного командира, генерала дю Тейля. Вместе с пушками подвозились и боеприпасы, и осадные материалы. Энергичный капитан Бонапарт повсюду выискивал специалистов – солдат, когда-либо служивших в артиллерийских частях. Имея полномочия, он немедленно переводил их к Тулону.

Выбор уполномоченного Саличетти оказался очень удачен. Комиссары Конвента просто не могли им нахвалиться. То, что Саличетти был очень доволен успехами своего протеже, понятно. Но ничуть не меньшее впечатление энергия капитана Бонапарта произвела и на другого комиссара.

Его звали Поль Франсуа де Баррас.

IX

Старое высказывание, известное в нескольких разных вариантах, которые приписываются разным людям, гласит, что «...революции замышляются святыми, осуществляются дураками, а пользу от них получают негодяи...». Поль Франсуа Жан Никола, виконт де Баррас (фр. Paul François Jean Nicolas, vicomte de Barras) мог бы послужить классическим примером такого негодяя. По рождению он принадлежал к одной из знатнейших семей Прованса и с юности был предназначен для военной карьеры. Конечно, в королевской армии служили самые разные офицеры, нередко среди них попадались и люди неподходящие, но все-таки далеко не каждого увольняли со службы с позором. В отношении виконта Барраса такая исключительная мера была применена – его разжаловали и изгнали из Лангедокского полка за кражу денег у сослуживца.

Тем не менее титул виконта и хорошие связи ему помогли – дело ограничилось переводом в Пондишери, французскую колонию в Индии. Он дослужился до капитана, вышел в отставку в 1783 году и с тех пор жил в Париже.

Его главным занятием вплоть до грозных раскатов грома Революции была игра – он был завсегдатаем всех игорных заведений столицы, и никак нельзя сказать, что играл он с безупречной честностью. Политикой Баррас не интересовался – но то, что перед энергичным человеком после взятия Бастилии открываются значительные перспективы, увидел сразу. Разумеется, он примкнул к радикалам, голосовал за смерть короля и был направлен Конвентом в качестве комиссара на Юг, в родной Прованс.

Баррас прибыл на Юг в качестве «...карающей руки Конвента...» и увидел в этом поистине золотые возможности. «Золотые» – в самом буквальном смысле слова. Репрессии давали большие возможности как с точки зрения прямого грабежа, так и с точки зрения вымогательства – уж очень много тогда зависело не столько от зыбких так называемых законов, сколько от их интерпретации, и главному интерпретатору было легко получить практически любое вознаграждение за чуть более снисходительную, чем гильотина, трактовку обнаруженных «... преступлений перед Республикой...».

Марсель он обобрал дочиста и теперь с большим интересом следил за осадой Тулона. Тем временем Карто был смещен и заменен другим генералом, который оказался не лучше. 16 ноября командовать осадой был наконец назначен толковый человек – генерал Дюгомье. Он назначил военный совет, в котором участвовал и Баррас. План взятия города, предложенный совету Бонапартом, встретил его горячее одобрение. Дюгомье план тоже понравился, и он его утвердил.

Суть предложенной операции заключалась в том, что следовало взять ключевую позицию – форт Эгильет, после чего открывалась возможность обстрела английских кораблей, стоящих в гавани. Бонапарт был уверен, что, если вынудить английский флот уйти, Тулон можно будет взять без особых усилий.

Общий штурм начался 17 декабря 1793 года.

Х

Арест генерала Бонапарта, произведенный 10 августа 1794 года, был сделан на основании донесения комиссара Конвента Комитету Общественного Спасения. В донесении говорилось, что генерал этот был за рубежом, отправившись туда без должного позволения, и что в его отношении есть сильные подозрения как в измене, так и в хищениях. Донесение было подписано Кристофоро Саличетти... В те времена во Франции люди теряли голову на основании куда менее значительных обвинений – но в данном случае генералу Бонапарту повезло. Через две недели его освободили – в его бумагах не обнаружилось ничего подозрительного.

Вообще говоря, вся эта история нуждается в комментариях.

Во-первых – почему Бонапарт вдруг стал генералом? На этот счет есть вполне понятное объяснение: занятый на осаде Тулона капитан Бонапарт в октябре 1793 года был произведен в майоры. 19 декабря этого же года Тулон был взят – а уже 22 декабря Бонапарт был произведен из майоров сразу в бригадные генералы, минуя промежуточные два чина: подполковника и полковника.

Во-вторых – после успешной осады он вернулся в штаб-квартиру Итальянской армии в Ницце, где его встретили как героя и где распоряжались уже не Саличетти, Фрерон и Баррас, а совсем другие представители Комитета Общественного Спасения, одним из которых был Огюстен Робеспьер, брат всемогущего Максимилиана Робеспьера, председателя Комитета. Он поговорил со свежее испеченным генералом и решил, что в предлагаемом им плане реорганизации Итальянской армии есть здоровое зерно. В итоге в июле 1794 года Робеспьер-младший послал генерала Бонапарта с миссией в Геную – надо было понять, не окажет ли Генуэзская Республика содействия возможным операциям Итальянской армии в направлении Италии?

В-третьих, и в самых главных, – 27 июля 1794 года (или 9-го термидора по новому революционному календарю) в Париже произошел переворот. Максимилиан Робеспьер и его ближайшие сторонники, включая его брата, Огюстена Робеспьера, были схвачены и без долгих церемоний обезглавлены на площади Революции. Людей, с ними связанных, арестовывали повсюду – а править стал новый Комитет, в состав которого вошли, например, побывавшие под Тулоном Фрерон и Баррас.

Дальше пошла цепная реакция – в надежде спастись от волны арестов и как можно быстрее встать на сторону победителей влиятельные люди начали писать доносы.

В частности, один такой донос, направленный против Наполеона Бонапарта, написал Саличетти. Мотивы свои он впоследствии не объяснял, но в письмах в Париж не преминул выразить свою «...радость по поводу свержения тирана Робеспьера...» и помянул Бонапарта как близкого сотрудника его младшего брата.

Какая была у Саличетти мотивация для столь очевидной подлости, сказать не могу. Огюстен Робеспьер как бы присвоил себе протекцию самого Саличетти. Достать его в могиле было уже нельзя, но можно было обвинить Бонапарта в измене и тем косвенно подтвердить измену самого Робеспьера-младшего, и к тому же сделать нечто приятное новому лицу в составе Комитета Общественного Спасения, Фрерону, который Бонапарта встречал под Тулоном и с которым не поладил.

Совершенно неизвестно, как повернулось бы дело, но, по-видимому, Наполеона Бонапарта спасли хлопоты его брата, Жозефа, и тот факт, что его имя вспомнил Баррас. В итоге Саличетти все свои обвинения снял, а бригадного генерала Наполеона Бонапарта вызвали в Париж.

Его ожидало новое назначение.

Генерал Республики

I

Тереза Кабаррюс вышла замуж столь же рано, как и Летиция Рамолино – ей было тогда, в 1788 году, неполных 14 лет. Но на этом сходство между этими юными особами заканчивалось. Если Летиция Рамолино была девушкой необразованной и преданной семейным ценностям, то Тереза имела поистине артистические наклонности, серьезно училась искусству рисовать, а темперамент имела настолько бурный, что ее батюшка, почтенный испанский финансист, дон Франциско Кабаррюс, поспешил от греха подальше выдать ее замуж, ибо у нее намечался роман с юношей-французом на год ее старше, месье Лабордом, и дон Франциско опасался, что дело может зайти слишком далеко.

Таким образом Хуана Мария Игнация Тереза де Кабаррюс стала маркизой де Фонтане и в этом качестве была представлена ко двору Людовика XVI. В 1789-м она родила сына, но согласно злой молве его отцом был не ее супруг, а некий французский дворянин, сильно превосходивший его и умом, и внешностью, и галантностью.

Когда грянула революция и маркиз де Фонтане бежал из Франции, она не последовала за ним, а осталась в стране – все ее симпатии были на стороне нового строя. Даже обратилась однажды к Конвенту с петицией о предоставлении политических прав женщинам... Она взяла себе свою девичью фамилию и с мужем в 1791 году развелась – но Террора в версии Максимилиана Робеспьера она, конечно, не предвидела. Она решила бежать в родную Испанию, была задержана в Бордо и как «...жена эмигранта...» угодила в местную тюрьму. Дело могло бы закончиться очень плохо, но ей повезло – она досталась в качестве добычи уполномоченному Конвента в Бордо, некоему Тальену. Он был человек вроде Фрерона или Барраса и охотно использовал свои неограниченные полномочия не только для казней, но и для личных целей, вроде грабежа и вымогательства. Его отец был экономом в имении некоего маркиза, и, по-видимому, идея получить бывшую маркизу де Фонтане в качестве покорной наложницы грела его сердце.

Впрочем, очень скоро из рабыни «гражданина Тальена» – как с суровой республиканской простотой было принято тогда выражаться – Тереза стала скорее его госпожой. Он не на шутку в нее влюбился, слушался во всем и, когда окончился срок его «командировки», взял ее с собой в Париж. Робеспьер Тальена отказался принять. Он готовил новый виток Террора. В списках вероятных жертв в нем фигурировали многие из уполномоченных Конвента, обвиняемые в коррумпции, в том числе Баррас, Фрерон и Тальен.

Терезу заключили в тюрьму. Она ожидала казни со дня на день – головы в те дни с плеч слетали легко. Тереза сумела тогда переправить Тальену записку, ставшую знаменитой:

«...Я умираю оттого, что принадлежу трусу...»

Утверждают, что это подтолкнуло его к участию в заговоре 9 термидора, свалившем Робеспьера, – но, честно говоря, это сомнительно. Он, безусловно, любил свою подругу, но свою жизнь, наверное, ценил не меньше, так что побудительных причин к действиям у него было достаточно и без записки. Заговор удался, на гильотину отправился сам Робеспьер. Тереза вышла из тюрьмы, а 26 декабря 1794 года вышла за Тальена замуж. Впрочем, она вскоре его оставила для Барраса.

В общем, она заслужила прозвище Notre-Dame de Thermidor, была признанной первой дамой, законодательницей мод и причуд, в ее салоне собирались самые интересные люди Парижа, которых хозяйка любила шокировать, появляясь перед гостями в платьях, сделанных из тончайшего прозрачного муслина. Есть ее портрет, на котором и этот откровенный наряд

спадают с одного плеча так, что оставляет одну ее грудь совсем открытой. Баррас был в ту пору главой Директории, располагал практически неограниченными средствами, закатывал частные приемы, о которых ходили легенды, и содержал целый гарем красавиц, в котором состояла и Тереза Тальен, и ее близкие подруги.

О существовании бригадного генерала Бонапарта Тереза Тальен, по-видимому, знала – злая молва утверждала, что однажды он явился к ней с просьбой помочь с покупкой сукна на починку прохудившегося на локтях мундира – но она его вряд ли запомнила.

Так и продолжалось вплоть до октября 1795 года.

II

Зима 1794 года была для Наполеона Бонапарта неудачной. Он прибыл в Париж, где должен был получить назначение в артиллерию так называемой «Западной Армии», она вела войну в Вандее. Там пылало роялистское восстание, обильно подпитываемое эмигрантами – людьми, деньгами и припасами. Доставлялось это все из Англии, с самым активным содействием со стороны английского правительства. Командовал на Западе генерал Гош, и ему требовались артиллеристы. Однако в силу каких-то непонятных бюрократических причин военное министерство предложило генералу Бонапарту назначение в пехоту. Он вспылал, отказался – и остался ни с чем.

Средств у него не было никаких, а вся свита состояла из двух адъютантов – Жюно и Мармона, которые не покинули своего генерала и в такой беде. В 1795-м ему удалось наконец устроиться в топографический отдел военного министерства, к Карно.

Крупный шанс ему выпал в октябре. В Париже полыхнуло роялистское восстание. Роялисты были уверены, что на этот раз они победят – на их сторону перешли многие части Национальной Гвардии. Конвент передал все полномочия по подавлению восстания Баррасу, которому понадобился «...*решительный военный*...».

Бонапарт получил назначение примерно так же, как и пост начальника артиллерии когда-то под Тулоном: у него была репутация хорошего специалиста и верного сторонника Конвента, он был знаком с Баррасом, и он подвернулся под руку. Все, что удалось наскрести на защиту Тюильри, где заседал Конвент, составляло 6 тысяч солдат, восставшие превосходили его численностью по крайней мере в пять раз и вроде бы имели все шансы на победу. Но дело решили пушки: когда толпы роялистов хлынули на открытую площадь у церкви Святого Роха, их встретила картечь. Восстание было подавлено.

Конвент благодарил Барраса, называя его спасителем Отечества и вознося должную хвалу «...*ему и его соратникам*...» – в числе которых был и генерал Бонапарт. Его немедленно повысили в ранге до чина дивизионного генерала, а потом Баррас и вовсе передал ему командование Внутренней Армией, то есть всеми частями французской республиканской армии, которые не были на фронте. Теперь он был важной персоной и по Парижу уже передвигался не пешком.

Как знак своего нового статуса, он счел нужным обзавестись каретой. Теперь он был знаком с людьми круга Терезы Тальен, а за одной из ее подруг даже начал ухаживать. В марте 1796 года мадам Тальен получила приглашение на церемонию их бракосочетания.

Дело дошло до свадьбы.

III

Новобрачная в девичестве звалась Мари Жозефа Роза Ташер де ла Пажери, родилась она на Мартинике, а замуж вышла в 16 лет, став супругой виконта де Богарнэ. Несмотря на наличие двух детей, брак их не удался, мадам Богарнэ с мужем часто ссорилась, но в 1794-м судьба свела их вновь – оба были арестованы. Виконта казнили, а его жену – ставшую «вдовой Богарнэ» – спас переворот 9 термидора. В тюрьме она познакомилась с Терезой, и они подружились. Такие вещи, как совместное заключение и ожидание смерти на эшафоте, все-таки сильно сближают.

Они продолжали дружить и после счастливого спасения, хотя Роза де Богарнэ была и старше своей подруги Терезы на целых 12 лет. В голове у нее, в отличие от мадам Тальен, было довольно пусто, но она была весела, обладала живым характером, все еще была красива – и нравилась Баррасу, который, право же, ценил женщин не за их интеллектуальные качества. Она была его любовницей, неизменной гостьей на его частных приемах и, по слухам, танцевала для хозяина дома «...будучи без всяких покровов...», как деликатно выражались в ту далекую пору.

У нее были и другие «близкие друзья», помимо Барраса, – например, генерал Лазар Гош, тоже, как и она, угодивший в тюрьму и тоже спасенный термидорианским переворотом. Баррас против романов своей подруги Розы де Богарнэ не возражал – он не был ревнив. Среди ее окружения появился и еще один генерал – по сравнению с Гошем и Баррасом не столь счастливый, ибо он не делил с ней радости жизни, а лишь следил за ней с нескрываемым обожанием.

В конце концов она написала ему письмецо – оно было датировано 20 октября 1795 года, – в котором написала следующее:

«...Вы совсем забыли вашего друга, который к вам расположен, и больше не приходите навестить меня. Приходите ко мне завтра к обеду.

Доброй ночи, мой друг, я вас обнимаю (Mon ami, je vous embrasse)...»

Подписано письмо было как обычно – вдова Богарнэ.

Он ответил ей самым нежным образом, а уже в следующем письме обратился к ней на «ты», заменив формальное «vous» неформальным «tu». Принимая во внимание правила времени и среды, в которой эта переписка происходила, мы можем с уверенностью предполагать, что генерал наконец был осчастливлен интимной близостью с предметом своего обожания. Во всяком случае, влюбился он просто неистово. Настолько, что настаивал на том, чтобы называть свою возлюбленную Жозефиной, а не так, как все – Розой. Он хотел иметь для нее особое имя, которым называл бы ее только он сам. Во всяком случае, он – к немалому, надо полагать, изумлению своей подруги – настаивал на браке.

В итоге она посоветовалась со своими друзьями – в первую очередь с Баррасом. Тот посоветовал ей не отказываться – генерал был на виду, уже командовал Внутренней армией и должен был вскоре получить и другое назначение. Вдова Богарнэ согласилась с доводами ее давнего и преданного друга.

Она приняла предложение.

Бракосочетание происходило в мэрии. Свидетелями со стороны невесты были Жан-Ламберт Тальен, его супруга, Тереза Тальен, и Поль Франсуа Жан Никола (виконт де) Баррас, фактический глава правительства Франции. Жениха представлял только капитан Ле Маруа (Le Marois), а сам он прибыл на собственное бракосочетание с большим опозданием, когда мэр, уже и не чая его увидеть, ушел домой.

Тем не менее церемония состоялась. В документах Наполеон Бонапарт прибавил себе один год, указав, что родился в 1768-м (вместо 1769-го), и в силу каких-то непонятных причин сообщил, что местом его рождения является город Париж – вместо Аяччо.

Вдова Богарнэ со своей стороны убавила себе 4 года, записав годом своего рождения 1767-й вместо 1763-го. В довершение всего – что выяснилось уже много позже – свидетель

генерала Бонапарта не имел права быть свидетелем (ему, несмотря на его капитанский чин, было всего 18 лет), а служащий мэрии, заменивший самого мэра по случаю его отсутствия, не имел законных прав на регистрацию браков.

Медовый месяц длился два дня. По истечении этого времени счастливый новобрачный, генерал Наполеон Бонапарт, отбыл в Ниццу, в штаб-квартиру Итальянской армии.

Его безутешная супруга осталась в Париже.

В английских журналах того времени (1797) публиковались карикатуры, изображавшие Барраса в обществе танцующих перед ним обнаженных Терезы Тальен и Жозефины Бонапарт – жен известных людей Республики.

Англичане всегда рады понасмешничать над важными лицами.

IV

Франция при Бурбонах в социальном смысле делилась на духовенство, дворянство и всех остальных. Это третье сословие включало в себя 96 процентов населения, платило все налоги – и не имело никакого голоса в принятии государственных решений, как бы серьезно они ни затрагивали его интересы. Люди, входившие в него, были лишены всех прав на серьезное продвижение, что воспринималось как нечто естественное во времена, когда огромное большинство податного населения составляли крестьяне, и как нечто совсем неестественное, когда в нем стали появляться люди вроде Вольтера.

Общее настроение, наверное, лучше всех выразил аббат Сийес с его знаменитым:

«Что такое третье сословие? – Все!

– Чем оно было до сих пор? – Ничем!

– Чем оно желает быть? – Чем-нибудь!»

Сказал он это в 1789-м, но система дала трещину чуть раньше – в 1787-м.

Государственные финансы Франции находились в состоянии кризиса еще со времен неудачной «войны за испанское наследство», с 1714 года. Правление Людовика XV превратило кризис в катастрофу: долги государства достигли фантастической суммы в четыре с половиной миллиарда ливров. Выплаты по ним оказались уже совершенно непосильны. В попытке поправить дело было созвано Национальное Собрание. Монархия как главная несущая конструкция государства рухнула.

К сожалению, вместе с ней рухнуло и государство. Жизнь во Франции пошла в точности так, как и указывал Гоббс в своем «Левиафане». Он умер за 100 лет до Великой французской революции, но угадал все совершенно верно – общество, живущее вне государственных структур, действительно делало *«...жизнь людей в их естественном состоянии одинокой, бедной, неприятной, жестокой и короткой...»*.

Он, правда, не предусмотрел ни возможностей газетной травли, ни Террора, – но в этом смысле Демулен, Марат, Дантон и Робеспьер поправили его теоретические недоработки. Они убили очень многих – и погибли сами. Революция пожрала своих детей. После казни Робеспьера пожар поутих, время радикалов миновало.

Остались наследники – коррумпированный термидорианский режим, державшийся на людях вроде Тальена, Фрерона, Барраса. Желание как-то закрепить достигнутую шаткую стабильность, но оставить правление в своих руках привело к попытке ввести новую Конституцию. Ее главным положением, с их точки зрения, было правило, по которому две трети состава Конвента нового созыва гарантировалось тем депутатам, которые уже были в нем раньше.

Собственно, именно это и вызвало мятеж 13-го вандемьера (5 октября) 1795 года. Мятеж был подавлен решимостью правительства Барраса и пушками генерала Бонапарта. Баррас упрочил свое положение, а генерала щедро вознаградили.

Он вручил ему вдову Богарнэ и командование Итальянской армией.

V

«*Ох, и нагнал же этот молодчик на меня страху!*» – сказал генерал Ожеро после первого военного совета, на котором председательствовал новый командующий Итальянской армией, генерал Бонапарт. Это было сильное заявление, если принять во внимание личность того, кто это сказал. Пьер-Франсуа-Шарль Ожеро в королевскую армию Франции поступил в 17 лет – и успешно из нее дезертировал. Он послужил в войсках Пруссии, Саксонии, Неаполя. В 1792 году вступил в батальон волонтеров французской революционной армии. В июне 1793 года получил чин капитана, потом, в том же году, – подполковника и полковника, а в декабре – сразу, минуя чин бригадира, – дивизионного генерала.

К 1795-му из своих 38 лет жизни он провел в армии (той или иной) больше 20 лет – и назначению нового командира, моложе его самого больше чем на 10 лет и не отличившегося ничем, кроме Тулона да еще расстрела толпы в Париже, вовсе не обрадовался.

Генерал Массена насчет нового командующего держался того же мнения. В конце концов, сам Массена тоже был под Тулоном и командовал дивизией, а не какими-то там артиллерийскими батареями. Он был всего на год моложе Ожеро и до Революции чего только в жизни не делал – по слухам, даже занимался контрабандой. Но военный совет с участием генерала Бонапарта и на него произвел впечатление. По крайней мере, шуток насчет того, что «... *Бонапарт получил Итальянскую армию в качестве приданого от Барраса...*», никто уже больше не отпускал.

Как-то сразу стало понятно, что приказы Наполеона Бонапарта следует выполнять и что он ожидает не только их своевременного выполнения, но даже и предупреждения их отдачи – отсутствие инициативы у подчиненных он рассматривал как признак недостаточной компетенции.

Что же касается должной субординации, то рассказывался такой случай. Генерал Бонапарт сказал генералу Ожеро:

«*Вы, генерал, на голову выше меня – но если вы будете мне грубить, я устраню это различие*».

И Ожеро ему поверил...

Не поверить было трудно – в раздерганной, разбросанной, раздетой и голодной Итальянской армии установилась твердая дисциплина. Несмотря на то что в армии был некомплект личного состава, несколько бунтующих батальонов было расформировано, зачинщики беспорядков расстреливались, части приводились в порядок во всех отношениях – кроме материального снабжения.

Что же касается снабжения, то генералом Бонапартом был издан знаменитый приказ:

«*Солдаты, вы не одеты, вы плохо накормлены. Я поведу вас в самые плодородные страны на свете...*»

Воздействовать на солдат призывами к революционному братству он не надеялся, но зато обещал возможности для захвата хорошей добычи. Вообще говоря, тоже ничего особо нового.

Захват добычи ожидался правительством Республики от всех ее армий.

VI

Дело тут было в том, что Национальное Собрание, реорганизовав управление Францией, надеялось разрешить финансовый кризис национализацией церковных земель и введением новых прямых налогов [1]. Под это и выпускались ассигнации – они обеспечивались результатами распродаж конфискованных имений. Все это, увы, провалилось. Собрать новые налоги не удалось, а выпуск все новых и новых ассигнаций привел к тому, что стоимость их упала вдесятеро, и выкуп церковных земель, за которые платили именно ассигнациями, средств правительству не давал, отчего они падали еще больше. Жозеф Бонапарт был не единственным чиновником, кто сожалел о том, что жалованье ему платят не звонкой монетой, а бумажками.

Уже правительству жирондистов, державшихся у власти в течение нескольких месяцев 1792 года, приходила мысль поправить дела посредством войны – помимо захватов и контрибуций, полезных для казначейства, это было и политически полезно, потому что могло сплотить нацию.

Военный министр Лазар Карно в речи перед Конвентом 14 февраля 1793 года определял цели внешней политики Республики в следующих терминах:

«Всякий политический акт, который полезен государству, уже в силу этого законен».

Между ноябрем 1792-го и мартом 1793-го Республика захватила и аннексировала Савойю, Ниццу, современную Бельгию – в то время австрийское владение – и некоторые германские территории.

Взявшие власть в июне 1793-го якобинцы во главе с Робеспьером продолжали ту же практику, они были в принципе против войны, считая, что сначала надо консолидировать завоевания Революции, но у них не было выхода. Расходы правительства превышали доходы в 5 раз – и армии Республики получили приказ выжимать все, что только возможно, с завоеванных территорий. Деятели Термидора, свалившие якобинцев, остановили Террор, но политики внешних захватов и контрибуций не изменили.

В пять месяцев – между сентябрем 1794-го и январем 1795-го – доходы государства составили 266 миллионов франков, а расходы – 1734 миллиона. Дефицит покрывался печатанием ассигнаций. Понятное дело, их курс покатился вниз. С завоеванных территорий в австрийских владениях в Нидерландах было собрано примерно 70 миллионов франков золотом, из которых около половины достигло Франции. Все остальное досталось армии – деньги, конечно, в основном пошли ее командирам, но и солдаты были сыты и одеты, их кормили за счет побежденных. Из завоеванной Голландии создали так называемую Батавскую Республику, что не помешало содрать с нее контрибуцию в 100 миллионов золотых флоринов.

Так что у голодных и оборванных солдат Итальянской армии были вполне разумные ожидания на то, что победы их и накормят, и оденут. Им очень хотелось надеяться, что новый командующий, генерал Бонапарт, способен повести их к победам.

Он их не разочаровал.

VII

Описывать Итальянскую кампанию 1796/97 года Наполеона Бонапарта в каких-то хоть более или менее оригинальных тонах – задача, примерно соответствующая по сложности попытке вырастить фиалку на голом бетоне. Существует совершенно необъятная библиография трудов, посвященная нашему герою, включающая буквально десятки тысяч названий книг и имен авторов, и ни одна из этих работ не обходится без упоминания о так называемой «Первой Итальянской кампании», сделавшей его имя известным по всей Европе. То есть поле утоптанно так, что сказать нечего – можно разве что сравнить «крайние» случаи, определить границы оценок.

Если взять биографические книги, написанные на эту тему известными авторами на русском, то можно начать с Дм. Мережковского и его книги «Наполеон». Ну, приведем образчик стиля, в котором написан ее первый том, – вот что он пишет о властолюбии Наполеона Бонапарта:

«...Властолюбие сильная страсть, но не самая сильная. Из всех человеческих страстей – сильнейшая, огненнейшая, раскаляющая душу трансцендентным огнем – страсть мысли; а из всех страстных мыслей самая страстная та, которая владела им – «последняя мука людей», неутолимейшая жажда их, – мысль о всемирности ...»

Вы что-нибудь поняли? Приходит в голову мысль, что тут, пожалуй, мы можем скорее узнать что-то про автора, чем про предмет его описаний. Сейчас, когда метафизическая патетика – или патетическая метафизика – несколько вышла из моды, читать весь этот высокопарный бред немного странно. Тем не менее автор в своем смешном захлебе дальше говорит и кое-что дельное. Например, он роняет замечание, что знакомиться с военными кампаниями Наполеона Бонапарта без подробнейших карт и объяснений, доступных разве что специалистам, понимающим предмет, – дело довольно бессмысленное. После чего добавляет бессмысленности собственного изобретения – он объясняет все успехи Итальянской армии тем, что душа солдат и душа их командующего были неким единым целым, связанным кровью (он имеет в виду полученные раны), и потому-то они летели от победы к победе.

На противоположном конце шкалы расположена работа Дэвида Чандлера «Военные кампании Наполеона», которая, кстати, была переведена на русский. Д. Чандлер, во-первых, специалист – он преподавал в Королевской Военной Академии в Сэндхерсте; во-вторых, он англичанин, и уже в силу этого к пафосу не склонен.

Так вот, он быстроту действий Итальянской армии объясняет тем, что армии революционной Франции всегда двигались быстро, потому что не имели ни обозов, ни тылов, а всегда рассчитывали добыть все нужное, захватив это на территории противника. Так что стремительный марш был стандартной тактикой ВСЕХ армий Республики, и солдаты несли на себе только трехдневный запас продовольствия – в отличие от австрийских, располагавших девятидневным запасом, который волей-неволей надо было не нести, а возить.

Солдаты Франции отличались от солдат стран «старого режима» низким уровнем выучки – Революция не могла тратить год или больше на то, чтобы научить новобранцев стрелять аккуратными залпами или разворачиваться в строгие, геометрически выверенные боевые порядки. Зато дисциплина не сковывала их инициативы. Рассыпной строй стрелков, идущих через густой подлесок, для французов был нормой – солдаты не разбегались и без надзора сержантов и делали то, что нужно, без особой на то команды. И в атаки они ходили не развернутой цепью, а густыми тесными колоннами – потери их не смущали, а штыковой удар колонны приводил к прорыву на узком фронте и часто тем самым решал исход боя. В общем, все это – и быстрые марши, и использование вроде бы неподходящей для боя местности, и штыковые удары – все это было изобретено и до генерала Бонапарта.

Но сейчас, в Итальянскую кампанию 1796 года, этот уже хорошо известный арсенал использовал гений и виртуоз.

VIII

Полководцы Республики, как правило, могли рассчитывать на то, что у них будет численный перевес: генерал Дюмурье во время своей кампании 1791 года в Австрийских Нидерландах (современной Бельгии) имел около 50 тысяч человек против 15 тысяч австрийцев. Австрийцы долго держались за счет своего профессионального мастерства, но в конце концов вынуждены были уступить подавляющей массе противника. Итальянская армия отправлялась в поход, имея всего 37 тысяч человек.

Против нее были пьемонтские и австрийские войска, общим числом превышавшие 50 тысяч. Но генерал Бонапарт отличался от генерала Дюмурье – немедленно после вторжения в Италию он всеми силами, что у него были, атаковал австрийцев у Монтенотте. Их главнокомандующий, генерал Болье, с основной частью своей армии находился южнее и на помощь им не поспел. Уступая австрийцам в общем количестве солдат, Бонапарт за счет быстроты и решительности своих действий создал то самое подавляющее численное превосходство, которое имел Дюмурье, но не повсюду, а только в нужном ему месте, – и победил.

Тут же, не теряя ни минуты, он развернул свою армию против войск Пьемонта и разгромил их наголову. Позднее специалисты посчитали, что достигнутые Итальянской армией результаты – «...шесть побед в шесть дней...» – были на самом деле одним непрерывным шестидневным сражением. Уже 28 апреля Пьемонт запросил перемирия.

Оно было ему даровано, но на тяжелых условиях: король Пьемонта, Виктор-Амедей, сдавал без боя две сильные крепости, обязывался не пропускать через свою территорию никаких других войск, кроме французских, отказывался от Ниццы и от Савойи (уже, впрочем, и так оккупированных французской армией) и обязывался поставлять Итальянской армии все необходимые ей припасы. Но у Виктора-Амедея и выхода не было – ему грозили тем, что отберут у него его столицу, Турин.

Следующим пострадал герцог Пармы. Он, собственно, с Францией не воевал и всячески настаивал на своем нейтралитете. Генерал Бонапарт доводам его не внял. На Парму была наложена контрибуция в два миллиона франков золотом, и уж заодно – герцогству было велено немедленно выделить для нужд французской армии 1700 лошадей. Это было важно – Бонапарт начал поход, имея только две сотни мулов для всех своих транспортных нужд и практически не имея кавалерии.

10 мая 1796 года произошло знаменитое сражение при Лоди. Бонапарт сам со знаменем бросился на мост, под картечь. В завязавшейся отчаянной схватке он был ранен и даже сброшен с моста, уцелев просто чудом. На эту тему, многократно обсуждавшуюся в литературе, мы можем привести два крайне отличающихся друг от друга мнения.

Первое из них принадлежит истинному литератору и интеллектуалу, Дмитрию Сергеевичу Мережковскому:

«...Он упал в болото, угруз по пояс в тине; барахтался и только еще больше угрузал. Хорошо было стоять на мосту героем, но скверно сидеть лягушкой в болоте. Слышал, казалось, и сквозь шум сражения только тихий шелест сухих тростников над собой; видел только серое, тихое небо, и сам затих; ждал конца: то ли тина засосет с головой, то ли австрийцы зарубят или захватят в плен. А может быть, знал – «помнил», что будет спасен...»

То есть храбрый генерал «знал – помнил», что будет спасен, и во всем происшедшем Дмитрию Сергеевичу виден Перст Судьбы. Этот речитатив «знал – помнил» он вообще повторяет на страницах своей книги очень охотно.

Дэвид Чандлер [2], профессор военной истории в Королевской Военной Академии, преподававший также в военных школах США и получивший от Оксфорда почетную докторскую

степень, куда более прозаичен. Про эпизод с мостом в ходе сражения при Лоди он сказал просто:

«Повезло...».

IX

15 мая 1796 года французские войска вошли в Милан. За день до этого генерал Бонапарт отправил Директории в Париж донесение:

«Ломбардия принадлежит Республике».

Город Ливорно был занят без боя – просто туда был направлен отряд под командой расторопного и исполнительного офицера. Звали его Иоахим Мюрат, и он был знаком Бонапарту по Парижу. В день 13 вандемьера, при подавлении роялистского восстания, он послал его в пригородный военный лагерь за пушками – приказ был выполнен быстро, и пушки доставлены вовремя. Так что в Ливорно отправлялся человек надежный, и он не подвел и на этот раз.

Генерал Ожеро занял Болонью. Великое герцогство Тосканское было занято, можно сказать, мимоходом, хотя, как и Парма, было нейтральным – но такие мелочи генерала Бонапарта не интересовали. Убийством пяти французских драгун в Луго (недалеко от Феррары) он заинтересовался гораздо больше. Туда был послан карательный отряд, который разгромил и разграбил город до основания, истребив в нем все мужское население в возрасте старше 16 лет. Количество изнасилований учету не поддается.

Армия, не задерживаясь в Тоскане, двинулась на осаду неприступной крепости Мантуя, где засел австрийский гарнизон. Уже под Мантуей Бонапарт получил известие о том, что на выручку крепости из Тироля идет сильная австрийская армия под командой генерала Вурмзера. Этот генерал оказался орешком покрепче разбитого французами Болье – он шел к Мантуе, невзирая на все попытки задержать его, и сумел разбить сперва корпус Андре Массена, а потом – Ожеро.

В тылу у французов был Пьемонт, через который и шли все коммуникации между Итальянской армией и собственно Францией, и что может там случиться, наглядно показал случай в Луго.

В таком трудном положении Бонапарт снял осаду Мантуи. Войска Вурмзера вошли туда, можно сказать, с триумфом – и тут узнали, что тем временем французы напали на австрийский корпус, который шел к Милану. Вурмзер двинулся на выручку, но не успел – корпус был к этому времени вдребезги разбит, и ему самому пришлось думать уже не о победе, а о спасении.

Генерал не посрамил своей репутации – Бонапарт его не поймал, и он смог уйти от него и запереться в Мантуе – но теперь Вене надо было думать о том, как выручить из беды самого Вурмзера. В Северную Италию была направлена спешно собранная австрийская армия, уже третья по счету, под командой генерала Альвинци.

В ноябре 1796 года она была отброшена французами в сражении при Арколе и отступила с большими потерями.

Через полтора месяца после этого, в битве при Риволи 14–15 января 1797 года, Альвинци был разбит окончательно, наголову, и с остатками своей армии буквально бежал к перевалам через Альпы, только и надеясь на то, что ему удастся спастись в Тироле.

В итоге, потеряв всякую надежду на выручку, в начале февраля Вурмзер капитулировал и сдал Мантую. Наполеон Бонапарт принял генерала Вурмзера самым дружеским образом. Видимо, оценил в коллеге профессиональные качества.

А потом пошел на север, угрожая уже самой Австрии.

Х

В начале апреля 1797 года генерал Бонапарт получил послание из Вены – его уведомили, что австрийский император Франц хотел бы начать переговоры о мире. Дело было в том, что собранная с бору по сосенке новая австрийская армия, на этот раз под командованием эрцгерцога Карла, после нескольких неудач отступала, а в Вене уже и вовсе шептались, что в Шенбрунне пакуют коронные драгоценности и куда-то их увозят.

Переговоры начались в Леобене, небольшом городке в Штирии, и окончились до того, как правительство Франции успело сказать хоть слово. Генерал Бонапарт сам переговоры провел, сам их окончил, сам подписал все необходимые документы и мнением Директории при этом ничуть не озаботился. Вообще весной 1797 года он занимался главным образом проблемами политическими и дипломатическими, а вовсе не военными.

Даже его февральская военная экспедиция против Папской области – и то носила политический характер. Папские войска потерпели поражение, и с побежденных была взыскана огромная контрибуция в 30 миллионов франков золотом, не считая того, что армия награбила на месте, так сказать, по ходу дела. В Париж отправлялись картины, скульптуры и, самое главное, звонкая монета, которая помогала держаться шаткой системе французских государственных ассигнаций.

Вот это последнее обстоятельство – как и то, что немалая часть денег прилипла к рукам высоких персон в правительстве Республики, – и давало генералу Бонапарту нужный ему политический эффект. Он становился лицом несменяемым, и его даже не пожурили за самостоятельное заключение перемирия с австрийцами, хотя это явно выходило за пределы его полномочий.

Он не постеснялся и окончательный мир с Австрией заключить сам – в мае 1797 года его войска, прицепившись к инциденту в Венеции, заняли все владения Светлейшей Республики. Теперь, в Кампо-Формио, он предложил австрийцам компенсацию за их потери. Владения Венеции в Италии переходили к созданной им Цизальпинской Республике, а сам город на лагунах, так уж и быть, он отдавал Австрии.

Генералы все-таки не так уж часто создают вассальные государства для своей страны по собственной инициативе, но Бонапарту простили и это. Он сумел оказать Директории важную услугу – его подчиненный, генерал Бернадотт, перехватил в Триесте некоего графа Д'Антрага, эмиссара роялистов.

В бумагах, найденных у него, обнаружили неопровержимые доказательства заговора, в котором участвовал генерал Пишегрю, отважный завоеватель Голландии, а ныне – президент Совета Пятисот, главного органа законодательной власти Республики.

Документы были срочно отправлены Баррасу. Тот не стал торопиться, а сперва подтянул к столице верные части, дождался посланного ему из Италии генерала Ожеро, получил срочно отправленные Бонапартом в Париж 3 миллиона франков – естественно, в золоте – и только тогда начал действовать. 4 сентября 1797 года в Париже прошли массовые аресты, в число подозреваемых включили и двух членов Директории, чьи имена оказались упомянуты в захваченных в Триесте бумагах, – Бартеlemi и Карно, и дело было сделано.

Баррас в сентябре полностью победил своих соперников в Париже, а в октябре Наполеон Бонапарт заставил австрийцев подписать в Кампо-Формио тяжелый для Австрии мир, куда больше походивший не на мир, а на капитуляцию.

В ноябре он получил извещение из Парижа: «...его присутствие в столице совершенно необходимо...» Его ждала там триумфальная встреча – и даже день для нее был уже назначен.

10 декабря 1797 года.

Примечания

1. Politics and War, by David Kaiser, Harvard University Press, 1990, page 216.
2. Дэвид Чандлер, английский историк, специалист по Наполеоновской эпохе. Преподавал в Сэндхерсте, английской Военной Академии, и в нескольких высших военных учебных заведениях США. Получил докторат в Оксфорде.

Неспособность повиноваться и последствия этой неспособности

I

Генералу Бонапарту приписывается следующее изречение: *«...взбунтовавшуюся армию необходимо или распустить, или залить кровью...»*.

Сказано так, как он обычно и выражался, – коротко и ясно. Так что, возможно, эта четкая формулировка действительно принадлежит ему. Однако достаточно простого здравого смысла, чтобы понять, что для любого правительства офицер, *«...потерявший способность повиноваться...»*, – вещь крайне неудобная. И в этом смысле генерал Бонапарт представлял собой явную опасность. Он сам говорил, что в Италии он скорее государь, чем генерал, – и члены Директории ощущали это очень отчетливо. Они пытались принять какие-то меры – ну, например, послали ему подмогу под командой Келлермана, причем Келлерман должен был действовать сам по себе, независимо. Бонапарт резко восстал против разделения командования, заявил, что один плохой командующий лучше, чем два хороших, и предложил свою отставку. Менять популярного военного лидера в момент, когда он шел от успеха к успеху и слал в Париж огромные трофеи и просто поток золота, на котором держалось казначейство Республики, было не с руки. Уж не говоря о чисто частных ответвлениях этого потока в карманы чрезвычайно влиятельных лиц...

Так что его оставили на месте, в надежде убрать в тот момент, когда кампания закончится. Однако генерал Бонапарт заканчивать военные действия и не думал, а все расширял и расширял их, и волей-неволей приходилось посылать ему подкрепления и одобрять задним числом сделанные им распоряжения – а когда Директория сделала попытку перехватить у своего слишком способного полководца инициативу и закончить войну с Австрией победоносным миром, Бонапарт подписал договор с австрийцами самостоятельно – и в глазах общественного мнения вся заслуга досталась ему.

Он явно не собирался покидать Италию.

Тогда Директория начала принимать определенные меры. Генерала Ожеро, посланного Бонапартом в Париж для помощи Баррасу и его коллегам в подавлении «заговора Пишегрю», наградили и назначили командующим Рейнской армией, сравнив его в статусе с его бывшим командиром. Бонапарта это не смутило – Ожеро он уже знал и ровни себе в нем не видел. Тогда был измыслен ход похитрее. Начальник штаба Итальянской армии, генерал Бертье, явившийся в Париж с трофеями и захваченными знаменами, получил распоряжение от правительства: немедленно возвратиться в Италию и передать, что Бонапарта ждут в столице. Героя ожидает встреча, достойная его подвигов, а сменить его на посту командующего Итальянской армией должен он, генерал Бертье.

Делать было нечего – неподчинение означало бы мятеж. Надо было выбирать между триумфом и мятежом.

Генерал Бонапарт выбрал триумф.

II

Церемония «...встречи героя...» была обставлена пышнее некуда. Прием был устроен в Люксембургском дворце, под грохот артиллерийского салюта. Присутствовали все пять членов Директории во главе с Баррасом, одетые чрезвычайно пышно. Приветствие от лица Республики зачитал министр иностранных дел Республики, гражданин Талейран, облаченный в шитый золотом парадный костюм, в шелковых чулках, скорее подходивших бы не «...верному слуге Республики...», а самому изысканному из маркизов двора Людовика XV.

Его речь соответствовала его костюму: она содержала множество комплиментов, а больше всего превозносилась «...классическая простота и скромность генерала Бонапарта, спасителя Отечества, презирающего пустую пышность и устремленного лишь к вершинам духа...». Кончалась речь тоже сильно: благодаря деяниям генерала Бонапарта «...вся Франция будет свободна, кроме разве что только его самого – ибо его ведет вперед сама Судьба...».

Наполеон Бонапарт ответил речью короткой и лишённой особых риторических высот. Он просто сказал, что Республика была вынуждена сражаться против королей старой Европы, не желавших признать ее свободу. Он сказал, что две тысячи лет в Европе правили феодализм, религия и монархии и что эра демократии, правления народа, только начинается. И добавил, что подписанный им в Кампо-Формио мир дает свободу и другим нациям – он имел в виду вновь учрежденные «республики» вроде Батавской или созданной им Цизальпинской. Речь кончалась так: «Как только судьбы Франции будут прочно устроены на твердой основе естественных законов, Европа тоже станет свободной». Гром аплодисментов. Скромно поклонившийся оратор, истинное воплощение республиканских добродетелей, в обычном мундире (он не надел парадной формы даже ради такого случая, как чествование его побед), сел в свое кресло.

Вслед за ним говорил Баррас. Он сказал примерно то же самое, что и Талейран, только не так красиво. Окончив речь, он заключил «...лучшего полководца Франции...» в свои объятия. В зале шептались, что с куда большим удовольствием он обнял бы его жену. Ее, правда, в то время в Париже не было – она была все еще в пути. Путешествовать со скоростью своего супруга она не умела и добиралась из Италии еще долго, добрый месяц после его прибытия в столицу.

Церемония закончилась. Генерал Бонапарт удалился в свой скромный дом, который он приобрел после возвращения в Париж. От участия в празднествах и банкетах он всячески уклонялся, разве что иногда показывался публике в театре. Вел себя подчеркнуто скромно и говорил, что его единственной радостью была надежда посвятить себя науке. И действительно, охотно беседовал с Лапласом.

Во всем этом скромном и в высшей степени достойном поведении была и другая сторона. В частном письме членам Директории, написанном еще из его ставки, о новоучрежденных республиках в Италии было сказано следующее [1]:

«Вы воображаете себе, что свобода подвигнет на великие дела дряблый, суеверный, трусливый, увертливый народ... В моей армии нет ни одного итальянца, кроме полутора тысяч шалопаев, подобранных на улицах, которые только грабят и ни на что не годятся...»

Он еще добавил, что держать тамошнее население в руках можно только с помощью «...суровых примеров...».

Народным ликованием он тоже особо не обольщался и говорил, что народ с такой же поспешностью бежал бы за ним, если бы его везли на гильотину. По-видимому, много думал о своих отношениях с Директорией. Устроенный ему государственный прием был, конечно, очень хорош. Но в сентябре 1797 года в Вецларе, в Германии, внезапно скончался Лазар Гош, известный и популярный генерал.

Говорили, что он был отравлен.

III

28-летний воитель и герой просто неизбежно становится объектом пристального внимания лучшей половины рода человеческого, и генерал Бонапарт в этом смысле не стал исключением. Самые разные дамы очень и очень добивались близкого с ним знакомства, и при желании он мог бы завести роман с любой из самых интересных женщин Парижа. Особенно домогалась его дружбы супруга шведского посла во Франции, баронесса де Сталь (*Анна-Луиза Жермена де Сталь (баронесса де Сталь-Гольштейн; Anne-Louise Germaine baronne de Stal-Holstein), известная просто как мадам де Сталь*).

Супругой своему мужу она была, впрочем, вполне номинальной – они уже были негласно разведены, но продолжали жить в одном доме. Мадам де Сталь была хозяйкой самого блестящего интеллектуального салона столицы, была окружена талантливыми людьми и довольно влиятельна. Утверждалось, например, что назначение «...гражданина Талейрана...» на пост министра иностранных дел устроила именно она.

Так вот, за генералом Бонапартом она форменным образом ухаживала. Возможно, в ней говорила страсть коллекционера – у нее уже был в жизни пылкий роман с графом Нарбонном, бывшим военным министром Франции.

Генерал Бонапарт отнесся к ней скорее холодно – если к красивым женщинам он был довольно равнодушен, то умных определенно не переносил. Она, однако, будучи особой возвышенной, чрезвычайно интеллектуальной (в 15 лет написала комментарии к очень серьезному труду своего отца, великого финансиста Неккера, о состоянии налоговой и финансовой системы Франции) и будучи наделена литературным даром, оставила потомству интересное описание Наполеона Бонапарта – такого, каким она его видела в 1798 году:

«...лицом он худ и бледен, но не неприятен. Он маленького роста, и лучше выглядит на коне, чем на ногах. Манеры у него странные, хотя он вовсе не застенчив... Когда он говорит, то пленяет тем впечатлением превосходства, которое производит, хотя у него нет никаких качеств ни человека из хорошего общества, ни человека из круга ученых. Когда он говорит о чем-то, что он пережил сам, в нем видно живое воображение итальянца. Но я всегда помню о глубокой иронии, с которой он относится ко всему – и к самому высокому, и к самому прекрасному, и даже к собственной славе...»

Это все вещи, так сказать, фактические, по-видимому, она просто описывает то, что видит.

Дальше, однако, следует пассаж, который как-то невольно наводит на ум воспоминания о стиле Д.С. Мережковского:

«...Он не хорош и не плох, не добр и не жесток, он уникален, он и не возбуждает, и не испытывает привязанности, он и больше, чем человек, и меньше, чем человек...»

Эта последняя деталь – «...больше чем человек и меньше чем человек...» – особенно умилительна. Трудно найти более выразительный пример высокопарного вздора – истинный Дмитрий Сергеевич.

Но потом она говорит следующее:

«[для него] ...все человечество в целом – противник в шахматной партии, которому он надеется поставить мат...»

Вот это уже похоже на правду.

IV

Назначенный командующим так называемой Английской армией, то есть совокупностью всех тех частей, которые Республика предназначила для вторжения в Англию, генерал Бонапарт уехал из Парижа в инспекционную поездку на побережье. Начал он с Дюнкерка. Тщательнейшим образом проверялись порты, подсчитывалось количество судов, как военных, так и транспортных, на учет были взяты все баржи, которые могли быть использованы для перевозки войск через Ла-Манш, вся артиллерия, имеющаяся в крепостях недавно завоеванных Австрийских Нидерландов (теперешней Бельгии), Голландии и в бретонских портах собственно Франции.

Он уехал из Парижа 10 февраля 1798 года и был страшно занят – в числе прочей своей деятельности он проводил подробнейшие опросы местных рыбаков, торговцев, занимавшихся каботажным плаванием, и даже попросил устроить ему разговор с кем-нибудь из знающих дело контрабандистов, чем несколько смутил таможенные власти.

Однако уже 24 февраля он спешно вернулся в Париж – его настоятельно звал туда Талейран. Шли общие переговоры о мире, и министр иностранных дел находил присутствие победоносного генерала Бонапарта в столице очень желательным.

Директории генерал Бонапарт представил доклад о состоянии дел с вторжением – и доклад был негативным. Абсолютно никаких шансов на успех он не усматривал. Например, в Бресте имеется только 10 военных кораблей, и на них нет никакой подготовленной команды. Однако у него имелись встречные предложения: во-первых, можно было захватить принадлежащий Англии Ганновер (в Англии после смерти королевы Анны правила так называемая «ганноверская» династия), во-вторых, была возможность захвата Египта. И сам генерал рекомендовал именно эту альтернативу: это даст Франции богатую колонию взамен отнятой у нее Канады, резко оживит всю французскую торговлю в Восточном Средиземноморье, даст возможность добраться до Красного моря и устроить там современный европейский арсенал и откроет дорогу в Индию. Кстати, подробный, хорошо разработанный план, связанный с Египтом, уже однажды был представлен Директории, и его автором был Талейран. Что же касается необходимых для этого предприятия войск, то они найдутся – сейчас, когда с Австрией заключен мир, потребность в них не столь велика.

В общем, имелись разумные доводы в пользу экспедиции в Египет.

Вопрос был передан на рассмотрение исполнительному совету при Директории, а все связанные с ним документы были направлены также и членам самой Директории, в первую очередь, конечно, Баррасу. Впрочем, 24 февраля его секретарь получил и еще одну коротенькую записку, предназначенную для его сведения [2]:

«...Бонапарт неожиданно вернулся сегодня вечером. Прошу вас, передайте Баррасу, как глубоко я сожалею о том, что не смогу быть у него сегодня на ужине. Скажите ему, чтобы он меня не забывал. Вы-то знаете, в каком положении я нахожусь,

Подписано: [Жозефина] Ла Пажери Бонапарт».

V

Формально меморандум об экспедиции в Египет был подан Директории 5 марта 1798 года. Но фактически все уже было решено, и колеса государственной машины «...*Франции VI года Республики...*» завертели с не свойственной им обычно быстротой. Серия декретов последовала сразу, в день подачи меморандума. Была образована «*Комиссия по Вооружениям Средиземноморского Побережья*», предложенная Наполеоном Бонапартом для координации всего процесса. Отданы распоряжения о накоплении запасов продовольствия и амуниции в портах Тулона и Марселя. Министру флота было велено подготовить военные корабли и снарядить их всем необходимым для трехмесячного похода. Пункт назначения держался в строгом секрете, о нем знала только дюжина людей, близких генералу Бонапарту, все приготовления велись с большой энергией – правительство Директории присвоило им высокий приоритет. Уже в середине марта 1798 года военное министерство уведомило армейских интендантов юго-востока страны о том, что через их территории проследуют войска, нужды которых они обязаны обеспечить как продовольствием, так и транспортом. Армейские части стягивались отовсюду – и с Рейна, и из Италии, и из внутренних районов Франции – к Лиону, откуда Роной отправлялись на баржах к берегу Средиземного моря.

Секретность была столь велика, что даже генерал Клебер, назначенный в главный штаб Английской армии, то есть вновь формируемой армии, предназначенной для действий против Англии, не знал, куда он, в сущности, направляется, приказы предписывали ему только то, что он должен явиться в Лион. Министр флота был извещен о реальной цели экспедиции только в середине марта. Что интересно: Директория, которая под самыми разными предлогами отказывала Бонапарту в накоплении войск на побережье у Дюнкерка, сейчас делала все возможное, чтобы ускорить накопление войск у Тулона. По-видимому, ее члены не хотели, чтобы под командой отважного генерала Бонапарта собирались части, которые он мог использовать неизвестно как. А если известно, куда они будут направлены – и это «куда» далеко, за морями, то процесс отправки следовало ускорить, и при этом – максимально ускорить. 30 марта 1789 года генерал Бонапарт известил главу интендантской службы армии, что ему потребуется снабжение для пяти дивизий на срок в два месяца. Дивизиям были выделены пять портов, в которых они должны были сконцентрироваться: Марсель, Тулон, Генуя, Аяччо (Корсика), Чивитавеккья. К его войскам приписывался медицинский персонал в составе 18 докторов и хирургов и трех сотен помощников докторов и фармацевтов. Отплыть собирались 9 апреля, но собрать достаточное количество морского транспорта к этому времени не удалось.

Первого апреля по промашке редакции полуофициальная газета «*Moniteur*» сообщила своим читателям, что научная и военная экспедиция отправляется в Египет. В целях сократить ущерб через три дня был опубликован официальный материал, связанный с «...*ожидающимся прибытием генерала Бонапарта в Брест...*». Тем временем была заказана походная типография, оснащенная в том числе арабскими и греческими шрифтами, к экспедиции был приписан целый отряд ученых: астрономы, математики, геолог, химик, археологи, переводчики, инженеры, взятые взаймы в департаменте мостов и туннелей, и даже специалист по воздушным шарам – он мог потребоваться армии для организации воздушного наблюдения. В довершение всего генерал Бонапарт, испытывая нужду в наличных, именем Директории предписал командующему французской армии, размещенной в Швейцарии, захватить в казначействе Берна три миллиона франков золотом и под усиленной охраной отправить эти деньги ему. Англичане характеризовали генералов Французской Республики как «...*разбойников...*», и самым талантливым разбойником считали Бонапарта.

Ну, как мы видим – у них были для этого известные основания.

VI

Дамам, имеющим секреты, лучше не ссориться со своими горничными. Эта мысль – казалось бы, очевидная – не приходила в голову Жозефине Бонапарт. Как существо впечатлительное, думала она не головой. . . И она, поскандалив с одной из своих горничных, уволила ее. Та, будучи обиженной до глубины души, явилась к генералу Бонапарту и рассказала ему о романе его жены с неким лейтенантом Шарлем. Имя оказалось знакомым. Лейтенант Луи-Ипполит Квентин Шарль служил в Итальянской армии, был адъютантом полковника Леклерка и побывал весной 1796 года в Париже, где и познакомился с женой командующего. Потом сопровождал ее в поездке в Италию и вообще бывал в ее кругу. Генерал Бонапарт, по-видимому, не поверил горничной, но попросил своего старшего брата, Жозефа, проверить, что же все-таки там произошло. . .

Жозеф навел справки – и явился к брату с отчетом, от которого у того потемнело в глазах. Потому что горничная много знала про свою хозяйку, но мало что понимала в сложных вопросах армейского снабжения. А вот Жозеф Бонапарт, занимавшийся этими делами еще с тех времен, когда его брат, Наполеон, был всего лишь капитаном, разбирался в них очень основательно.

Ну, и он доложил, что, помимо всяких мелочей – вроде оргии, устроенной этой парой в Венеции, – и Жозефина, и лейтенант Шарль вложили некоторые деньги в компанию, занимавшуюся военными контрактами для Итальянской армии и переключившуюся впоследствии на операции с покупкой и продажей «. . . национализированной собственности . . .» в оккупированных французской армией регионах, в основном недвижимости, принадлежавшей монастырям и аббатствам. Эти операции приносили им обоим солидные дивиденды. Так что к пламенной страсти примешалась и дурно пахнущая коммерция, и было совершенно очевидно, что схему и выдумал, и осуществил лейтенант Шарль, а мадам Бонапарт замешал в нее в основном в целях защиты от возможного расследования. Между супругами состоялся крайне неприятный разговор. Жозефина прибегла к следующей тактике защиты: она все отрицала, твердила, что ее оклеветали, – а попутно заливалась слезами. Станным образом метод оказался успешным. Наполеон сделал ей строгое внушение, велел в будущем вести себя поскромнее и переключился на другие дела.

Почему он решил так сделать – и неизвестно, и непонятно. Предлагались самые различные объяснения, например, указывалось, что одним из пайщиков компании, куда инвестировал свои деньги оборотистый лейтенант Шарль, был Баррас, и устраивать скандал братьям Бонапартам было не с руки. А может быть, Наполеону Бонапарту в тот момент было не до супруги, потому что как раз в это время случился инцидент в Вене – там сорвали флаг Республики и устроили шумную антифранцузскую манифестацию. Австрию решили припугнуть – и генерал Бонапарт был вызван в Париж. Пугало страшнее было трудно придумать – австрийцы немедленно пошли на попятный. Сам он, по-видимому, рассчитывал на назначение где-нибудь на Рейне или даже на то, что его инкорпорируют в Директорию. Но нет. . . Бонапарту было сказано: согласно законам, он в свои 28 лет не может быть членом Директории, что минимальный возраст для этого – 40 и что теперь его долг – немедленно вернуться к своим войскам и отправиться морем в Египет, чтобы выполнить миссию, возложенную на него Республикой. Он так и сделал.

В числе его адъютантов с ним вместе отправился за море и его пасынок, 17-летний Эжен де Богарнэ, сын Жозефины от первого брака.

VII

Французский флот вышел из портов Тулона и Марселя только 19 мая 1798 года. Отплытие несколько раз откладывалось – слишком уж много проблем оказались нерешенными. Генералу Бонапарту пришлось, например, иметь дело с форменной забастовкой моряков, которым не заплатили их жалованье: колеса бюрократической машины действительно вертелись быстрее, чем обычно, но вот обычный тогдашний уровень хищений меньше не стал, и отпущенные казначейством деньги, помимо своего прямого предназначения, разошлись еще и по множеству маленьких ручейков. Не хватало очень многих предметов снабжения, но косвенным образом этой беде помогла другая – высокий уровень дезертирства. Некоторые части потеряли до четверти своего состава. Не всегда помогала и погода – перед самым днем отплытия разразился огромный шторм. Тем не менее в конце концов флотилия двинулась в путь, и она была огромна: 365 самых разнообразных судов, транспортных и военных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.